

§ 1 ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Марковичева Е.В.

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ

Аннотация: Статья преследует цель раскрытия основных этапов эволюционного пути развития российской уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей в контексте необходимости изучения исторического опыта при разработке перспективных направлений совершенствования современного ювенального уголовного судопроизводства. Многие века в России, как и в других европейских государствах, несовершеннолетие не рассматривалось как основание для создания особого порядка уголовного судопроизводства. Значительный шаг в этом направлении был сделан во второй половине XIX века в связи с принятием Устава Уголовного Судопроизводства. Дальнейшее развитие уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в России было сложным и противоречивым и определялось приоритетами уголовной и уголовно-процессуальной политики того или иного времени. Исследование данного процесса проводится с использованием системно-структурного и структурно-функционального методов исследования историко-правовых явлений. использование диахронического метода позволяет раскрыть закономерности эволюции ювенального уголовного судопроизводства. Автор предлагает в статье рассматривать эволюцию уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в России через четыре основных периода. В качестве отправной точки предлагается рассматривать судебную реформу 1864 года. Для каждого периода выделяются специфические черты, характеризующие особенности судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. **Ключевые слова:** Процессуальная форма, модель судопроизводства, ювенальный суд, Устав уголовного судопроизводства, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, несовершеннолетние правонарушители, судебная специализация, судебная реформа, историческая периодизация.

Abstract: This article seeks to shed light on the main stages of the evolutionary path of development of Russia's criminal procedural policy with regards to juvenile offenders in the context of the need to study the historical experience in devising possible future directions of improving the modern juvenile criminal court procedure. For many centuries, in Russia along with many other European countries the age was not a basis for creating a separate order of criminal court procedure. Substantial progress in this area was made in the second part of the 19th century with the enactment of the Statute of Criminal Court Procedure. Further development of criminal court procedure with regards to juveniles in Russia was difficult and controversial, and was defined by the priorities of the criminal and criminal procedural policy of one or another time period. The author proposes to look at the evolution of criminal court procedure pertaining to juveniles in Russia through four main stages. As a starting point, the author proposes the review of the judicial reform of 1864.

Keywords: Procedural reform, model of court procedure, juvenile court, Statute of Criminal Court Procedure, criminal court procedure, criminal procedure policy, juvenile offenders, judicial specialization, judicial reform, historical periodization.

Правовая политика в отношении несовершеннолетних относится к числу приоритетных направлений деятельности большинства современных государств. В современной России также выработан ряд подходов к определению сущности, зна-

чения, принципов и основных направлений правовой политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей, однако целостная концепция такой политики не выработана. В значительной мере это относится к российской уголовно-процессуальной политике в

отношении несовершеннолетних (ювенальной уголовно-процессуальной политике). Ювенальная уголовно-процессуальная политика должна быть направлена на создание, развитие и совершенствование наиболее оптимальной модели уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних правонарушителей должна реализовываться как в законодательной, так и в правоприменительной формах, а ее характер в значительной степени зависит от выбранной государством стратегии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних правонарушителей. На характер уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей в значительной степени влияет как состояние преступности несовершеннолетних, так и особенности конкретной модели уголовного судопроизводства.

К сожалению, текущая российская уголовно-процессуальная политика в отношении несовершеннолетних правонарушителей носит противоречивый характер. С одной стороны, тезис о необходимости реформирования современного российского уголовного судопроизводства не вызывает сомнений ни у теоретиков, ни и практиков. С другой, – дополнения и изменения, вносимые с завидной частотой в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ), преимущественно направлены на решение лишь отдельных проблем правоприменения. При этом нередко, устраняя одни пробелы и недостатки в УПК РФ, российский законодатель порождает на их месте новые проблемы. Общеизвестно, что государственная политика, которая строится без учета потребностей реальной правовой жизни, неизбежно приводит к принятию декларативных законов, закреплению «мертворожденных» норм права.

К сожалению, в последние годы интерес отечественного законодателя к процессуальным проблемам юных правонарушителей значительно снизился. Такую ситуацию можно закономерно связать с весьма противоречивыми результатами, полученными в ходе экспериментального внедрения в российское уголовное судопроизводство так называемых ювенальных технологий, которые в подавляющем большинстве были заимствованы без критического осмысления из практики зарубежных государств. К сожалению, правовой эксперимент, проводимый без соответствующих нормативных оснований, рано или поздно будет обречен на провал. Модернизация данного вида производства требует целостного осмысления законодательных и практических проблем с учетом эволюционного опы-

та развития уголовного процесса в России с целью создания фактически новой нормативной базы для производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

В этой связи нелишним будет обращение к эволюции уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних, нашедшей свое отражение в истории российского законодательства. Речь идет не о прямых заимствованиях исторических моделей, а скорее об усвоении уроков прошлого, поскольку, как справедливо отметил известный французский юрист Норбер Рулан, «даже если допустить, что исторический подход к праву – это роскошь, тем не менее, он весьма полезен. Такой подход дает нам общие идеи в период, когда они особенно нужны»¹.

В России, как и в других государствах, несовершеннолетие долгие столетия не рассматривалось как основание для изменения порядка судопроизводства, поскольку «русскому уголовному процессу, несмотря на ряд национальных особенностей, не остались чуждыми этапы развития западноевропейского судебного права»², и в этой связи до конца XIX века сложно выделить какую-то определенную специфику производства по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Исходя из особенностей нормативного закрепления той или иной модели уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, весь эволюционный путь формирования и развития последнего в России может быть условно поделен на четыре основных периода: 1) конец XIX в.–1918 г.; 2) 1918–1961 гг.; 3) 1961–2002 гг.; 4) 2002 г.–настоящее время. Остановимся кратко на отдельных чертах данного производства в эти периоды.

Сразу же отметим, что причины, которые на определенном историческом этапе развития отечественного государства вызвали к жизни появление специального правосудия в отношении несовершеннолетних, полностью совпадали с причинами появления «детских» судов в других странах: высокий уровень подростковой преступности; неэффективность существующей системы уголовного преследования и наказания несовершеннолетних; смещение акцентов с карательного отношения к несовершеннолетним правонарушителям на исправительное.

Первые значительные шаги в определении правового положения несовершеннолетнего правонарушителя

¹ Рулан Норбер. Историческое введение в право. М., 2005. С. 14–15.

² Чарыхов Х.А. Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России // Дети-преступники / Под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С.26.

в уголовном судопроизводстве России были сделаны именно во второй половине XIX века. Первоначально Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) лишь закреплял запрет на допуск несовершеннолетних моложе четырнадцати лет к свидетельству под присягой и содержал нормы, позволяющие участвовать в уголовном процессе законным представителям несовершеннолетнего – его родителям, опекунам, воспитателям.

С концептуальной точки зрения принципиальное значение имеют изменения, внесенные в Устав уголовного судопроизводства Законом 1897 года «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых».³ Благодаря данному закону в УУС был включен специальный раздел «Производство по делам несовершеннолетних от десяти до семнадцати лет для разрешения вопроса о том, действовал ли обвиняемый во время совершения преступного деяния с разумением».⁴ Кроме того, Закон 1897 г. создал правовую базу для появления в России специальных судов для несовершеннолетних.

Примечательно, что изначально закон назывался «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказании». Фактически, это была первая попытка законодательного закрепления дифференциации уголовно-процессуальной формы производства по делам о правонарушениях несовершеннолетних. Как отмечал И.Я. Фойницкий, «опыт показал, что для таких лиц с недоразвившимся сознанием и нежной восприимчивостью, неокрепшим характером и быстро увлекающихся примером, обыкновенное судебное производство сопряжено со многими опасностями».⁵

Измененный и дополненный УУС определил специфику производства по делам несовершеннолетних в зависимости от подсудности дел общим или местным судам. Производство отличалось и в зависимости от того, с разумением или нет было совершено несовершеннолетним преступление. Данный вопрос решался на стадии судебного разбирательства, для чего привлекались сведущие лица, обладающие специальными знаниями в области медицины, психологии и педагогики. Дополнительно могли быть вызваны и допрошены иные свидетели. Фактически первой стадией судебного

производства как раз и было решение вопроса о совершении несовершеннолетним преступления с разумением или без такового, что являлось «особым видом судебного следствия»⁶. В рамках распорядительного заседания могло проводиться и освидетельствование несовершеннолетнего на предмет определения его вменяемости. Если суд устанавливал, что несовершеннолетний обвиняемый не совершал преступного деяния или действовал без разумения, выносилось определение о прекращении судебного преследования. Таким образом реализовывалась сокращенная форма уголовного судопроизводства, основанная на особом порядке судебного разбирательства.

Формирование такой модели судопроизводства по делам несовершеннолетних, во многом, было продиктовано теми же причинами, что и в других странах в этот же исторический период: ориентацией на приоритет мер воспитательного воздействия, стремлением снизить влияние преступной среды на несовершеннолетнего. Эти нормы явились и предпосылкой появления процессуального механизма освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в связи с отставанием в развитии.

Вместе с тем, определенное упрощение производства в отношении несовершеннолетних несло в себе не только позитивное начало, но и изначально ограничивало возможности защиты несовершеннолетнего, так как процессуальный механизм обеспечения их прав был недостаточно совершенен. В распорядительном заседании вопросы решались, как правило, в отсутствие несовершеннолетнего обвиняемого, а возможности участия законных представителей или обжалования судебного решения, вынесенного на данной стадии, были крайне ограниченными.⁷

Для производства по уголовному делу несовершеннолетнего в общем порядке также были характерны определенные особенности, заключавшиеся в специфике применения мер пресечения, закреплении возможности выделения в отдельное производство дела о преступлении, совершенном с соучастием несовершеннолетних лиц, в участии законного представителя, обязательном участии защитника, ограничении принципа открытости судебного разбирательства, а также закреплении возможности удаления несовершеннолетнего подсудимого из зала судебных заседаний.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1900. Т. 17. Ст. 14233.

⁴ Устав Уголовного судопроизводства // (Св. зак. Т. XVI, ч. 1, по прод. 1906, 1908-1910) / Составители М.П. Шрамченко, В.П. Ширков. Изд. 6-е испр. и доп. СПб., 1913.

⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 504.

⁶ Стародубцев Ю.И. Особые суды для несовершеннолетних в России. Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 46.

⁷ Давыдов Н.В. Уголовный суд в России. М., 1918. С. 78-79.

Этот этап с полным основанием можно рассматривать как период зарождения так называемого ювенального уголовного судопроизводства, когда появились и первые ювенальные суды.

К процессуальным особенностям ювенального уголовного производства в России начала XX в. следует отнести практически полный отказ от формальной процедуры при рассмотрении подобных дел в суде по делам несовершеннолетних, обеспечение принципа конфиденциальности судебного разбирательства с соответствующим ограничением принципа гласности. Фактически отсутствовали как процедура предъявления и осуществления формального обвинения, так и соответственно процедура защиты. Обязательным являлось участие в разбирательстве дела родителей и попечителей несовершеннолетнего. Воспитательная направленность деятельности такого суда побуждала не к доказыванию виновности несовершеннолетнего, а скорее к проведению с ним воспитательных бесед, направленных на получение признания с раскаянием в содеянном. В качестве позитивного момента, который заслуживает пристального внимания, следует отметить наличие судебного контроля за исполнением назначенного судом наказания или меры воспитательного воздействия.

Э.Б. Мельникова справедливо подчеркивала, что «российский суд для несовершеннолетних времен 1910–1918 гг. отличали и признаки, относящиеся к уголовному процессу: широкая предметная подсудность, включающая и преступления, и мелкие правонарушения; закрытый характер судебного разбирательства; отсутствие формальной судебной процедуры; упрощенное судопроизводство, сводившееся в основном к беседе судьи с подростком в присутствии его попечителя; отсутствие формального обвинительного акта; в основном применение попечительского надзора в качестве меры воздействия (по данным статистики этих судов, примерно в 70% случаев)»⁸. На наш взгляд, такие ювенальные суды в тот период сыграли немаловажную роль в формировании прогрессивной российской уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних.

В связи с произошедшими в России в 1917 г. революционными преобразованиями развитие уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних пошло по новому пути. В 1918 г. берет свое начало второй период исторического развития данного вида производства, поскольку именно в январе 1918 г. было прекращено действие норм Устава уголовного судопроизводства, а

ювенальные суды были заменены комиссиями по делам несовершеннолетних. Таким образом было положено начало для формирования новой модели отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних.

С целью замены специализированного судебного органа, каковым являлся ювенальный суд, был создан не входящий в судебную систему орган особой юрисдикции – комиссия по делам несовершеннолетних. Создание таких административных комиссий не могло не отразиться на сущности и характере уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Деятельность комиссий и порядок рассмотрения дела несовершеннолетнего регламентировались специальной инструкцией, характеризую которую, П.И. Люблинский справедливо отмечал, что «правила, касавшиеся производства дел в комиссиях, были изложены необычайно кратко, и при том скорее в виде общих положений, чем в виде точных постановлений»⁹.

В условиях послереволюционных общественных преобразований рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних происходило скорее в чрезвычайном порядке, который предполагал сокращенную форму производства с наделением суда функциями следователя. Во многом такое положение дел противоречило принципам осуществления уголовного судопроизводства, продекларированным советской властью. В такой ситуации несовершеннолетний обвиняемый оказывался в менее защищенном положении, поскольку его дело рассматривалось в упрощенном порядке, и окончательное решение во многом зависело от субъективных оценок членов комиссии по делам несовершеннолетних. Такая специфичная разновидность ускоренного производства, на наш взгляд, была довольно неудачной.

В то же время, понятие производства с разумением, известное со времен Устава уголовного судопроизводства, частично было сохранено в двадцатые годы прошлого века. Кроме того, была предпринята попытка найти замену институту попечителей, функционировавшему в дореволюционный период при судах для несовершеннолетних. Его функции были возложены на Институт социальной помощи несовершеннолетним, работающий в тесном контакте с комиссией о несовершеннолетних.

Комиссии по делам несовершеннолетних не входили в систему судебных органов, и, следовательно, дела о правонарушениях несовершеннолетних изначально изымались из сферы правосудия. При этом сохранялся известный ранее принцип совершения преступного

⁸ Мельникова Э.Б. Будет ли в России ювенальная юстиция? Научно-практический комментарий // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 38.

⁹ Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. М., 1923. С. 172.

деяния с разумием, поскольку уголовной ответственности могли подлежать лица, достигшие возраста 14 лет, совершившие преступление с разумием.

В марте 1920 г. компетенция суда по уголовным делам в отношении несовершеннолетних несколько расширилась. В случае передачи несовершеннолетнего правонарушителя в суд народный судья в течение трех дней проводил предварительное следствие по делу, причем судебному разбирательству подлежали уголовные дела в отношении несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста и совершивших тяжкие преступления, а также совершивших преступления в соучастии с взрослыми лицами. Судья был обязан подготовить для комиссии по делам несовершеннолетних доклад, отразив в нем сведения о личности несовершеннолетнего правонарушителя, его социальном окружении, причинах противоправного поведения, о целесообразности выделения в особое производство уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в случае совершения им преступления в соучастии с взрослыми лицами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на подчиненность суда комиссиям по делам несовершеннолетних, на стадии предварительного следствия сохранялась независимость судьи в производстве необходимых следственных действий. Практическая реализация концепции следственного судьи применительно к производству по делам несовершеннолетних осуществлялась вплоть до 1929 года, когда производство следствия по уголовному делу, в том числе и в отношении несовершеннолетнего, стало осуществляться органами милиции по поручению прокуратуры.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г.¹⁰ внес определенный вклад в закрепление специфики производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В частности, после внесения в него ряда изменений в 1927 г. В уголовно-процессуальном законодательстве появилось первое указание на лиц, которые могли быть законными представителями. Вместе с тем, участие законных представителей в данный период носило не обязательный, а факультативный характер, а их правовой статус оставался крайне неопределенным. При наличии в деле нескольких обвиняемых, из которых один или несколько являлись несовершеннолетними, дело в отношении последних должно было быть выделено и передано в комиссию о несовершеннолетних. Таким образом, предполагалось выделение в отдельное производство уголовного

дела, по которому обвиняемым был несовершеннолетний, не достигший шестнадцатилетнего возраста. Закреплялась и возможность установления возраста несовершеннолетнего, обвиняемого путем медицинского освидетельствования. Никаких других особых правил производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения к несовершеннолетним обвиняемым не предусматривалось.

Однако необходимо отметить в качестве позитивного момента то, что УПК РСФСР 1922 года уже допускал наряду с административным рассмотрением дел в отношении несовершеннолетних правонарушителей судебный порядок разбирательства таких уголовных дел. К сожалению, на практике судебное рассмотрение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего было возможно только по постановлению комиссии о несовершеннолетних, а сама комиссия нередко брала на себя полномочия государственного обвинителя.

Все эти факты свидетельствуют, с одной стороны, о весьма слабой защищенности прав несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве в данный исторический период, нечеткости и схематичности его процессуального статуса, а, с другой, – о создании в России 20-х годов XX века уникальной модели ювенального уголовного судопроизводства, базировавшегося на фактической подчиненности суда административному органу в решении вопроса о привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Примечательно, что такая модель не только ущемляла процессуальный статус несовершеннолетнего правонарушителя, но и не способствовала восстановлению прав граждан, пострадавших от преступления несовершеннолетнего. В частности, как справедливо отмечал П.И. Люблинский, фактически отсутствовал механизм предъявления гражданского иска в уголовном процессе с целью возмещения вреда, причиненного правонарушением несовершеннолетнего¹¹.

В 1930–е гг. общая тенденция к усилению карательной направленности уголовного судопроизводства сказалась и на правовом положении несовершеннолетних правонарушителей. Правовой статус несовершеннолетнего в уголовном процессе претерпел существенные изменения в связи с принятием в 1935 г. ряда нормативных актов, ухудшивших положение несовершеннолетних обвиняемых и снизившего возраст уголовной ответственности до 12 лет. Уголовному преследованию с последующим разбирательством дела в

¹⁰ СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230; СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106; СУ РСФСР. 1928. № 4. Ст. 37.

¹¹ Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. М., 1923. С. 11.

уголовном суде мог быть подвергнут двенадцатилетний подросток, обвиняемый в совершении ряда корыстных и насильственных преступлений. Примечательно, что зачастую установить точный состав преступления было затруднительно в силу недостатков действовавшего законодательства, допускавшего вариативное толкование уголовно-правовых норм. Также несовершеннолетие перестало рассматриваться как обстоятельство, смягчающее уголовное наказание.

В этом же году была прекращена деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, то есть, упразднена административная система ювенальной юстиции. Обращает на себя внимание и то, что такая тенденция сопровождалась слабыми попытками внедрения элементов судебной специализации через создание при судах специальных камер для рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних до 16 лет. Функционировали они непродолжительное время вплоть до 1938 г. и не оставили существенного следа в истории развития российского судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

В данный исторический период внимание следственных и судебных органов акцентировалось на обязательности установления возраста обвиняемого, а также условий жизни и воспитания несовершеннолетних, выявление лиц, способствовавших совершению несовершеннолетними правонарушений. Фактически в этот период начинает формироваться представление о необходимости установления специфичной составляющей предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Признавалось необходимым и обязательное назначение защитника по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего.

В 1930–е гг. судам было рекомендовано проведение серии показательных судебных процессов по делам несовершеннолетних, имеющих воспитательное значение. Также считалось вполне оправданным формирование специальных составов кассационных коллегий, в функции которых входило рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Начиная с 1943 г., предпринимались попытки возрождения при народных судах специальных камер по делам несовершеннолетних, укомплектованных судьями, имевшими опыт работы с несовершеннолетними. В компетенцию таких камер входило решение вопроса о применении к несовершеннолетнему, не достигшему шестнадцатилетнего возраста, уголовного наказания, либо о помещении его в воспитательную трудовую колонию или о передаче на поруки опекунам или попечителям.

К сожалению, в реальности в 1930–1940–е гг. судопроизводство в отношении несовершеннолетних было максимально приближено к уголовному судопроизводству в отношении взрослых. Такая ситуация соответствовала правовой политике государства того времени. Хотя, нельзя утверждать, что социальная и психофизиологическая незрелость несовершеннолетнего полностью игнорировались, а уголовное судопроизводство в отношении подростков имело чисто карательную направленность. Определенное внимание специфике расследования преступлений несовершеннолетних уделялось, но при этом акценты ставились на необходимости установления взрослых лиц, вовлекших несовершеннолетнего в противоправную деятельность, на точном установлении возраста несовершеннолетнего и т.д.

Принятые в 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик¹² (далее – Основы) уделяли недостаточно внимания специфике производства в отношении несовершеннолетнего, но фактически возродили норму, допускавшую прекращение уголовного дела с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних, а достижение возраста уголовной ответственности закреплялось как обстоятельство, исключавшее производство по уголовному делу. Указывалось на обязательное участие защитника по данной категории дел с момента предъявления обвинения. Обозначалась и некоторая специфика производства не только на досудебных, но и на судебных стадиях. В частности, по делам о преступлениях несовершеннолетних обязательным было проведение распорядительного заседания суда. В целом Основы подготовили почву для выделения в Уголовно–процессуальном кодексе РСФСР 1961 г. (далее – УПК РСФСР) производства по делам несовершеннолетних как особого усложненного порядка судопроизводства. Его принятие ознаменовало начало формирования новой уголовно–процессуальной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

В УПК РСФСР законодателем была выделена отдельная глава, регулирующая вопросы производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. Кроме того, в тексте УПК РСФСР появился целый ряд статей, регламентирующих правовое положение несовершеннолетнего в уголовном процессе.

¹² Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

В целом все законодательные новеллы были ориентированы именно на усложнение порядка судопроизводства с целью наилучшего обеспечения прав несовершеннолетних обвиняемых и подсудимых. На протяжении последующих сорока лет в УПК РСФСР вносился целый ряд дополнений и изменений, в том числе и касавшихся процессуального статуса несовершеннолетних правонарушителей. Это было объективным требованием времени и определялось теми изменениями, которые происходили в различных сферах общественной жизни нашего государства. К наиболее общим и типичным особенностям производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего в этот период можно отнести: усиление гарантий прав несовершеннолетних и охранительной направленности производства по делам несовершеннолетних; реализацию принципа двойного представительства несовершеннолетнего обвиняемого; обязательное участие защитника в производстве по уголовному делу с момента предъявления обвинения и необязательность для органов, осуществлявших уголовное преследование, отказа несовершеннолетнего от защитника; выделение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство в случае совершения преступления в соучастии со взрослыми лицами; расширение предмета доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних за счет социально и личностно характеризующей информации; обязательность предварительного следствия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних; возможность прекращения уголовного дела в связи с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних, а позже, в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия; обязательное назначение судебно-медицинской экспертизы в случае невозможности установить возраст несовершеннолетнего по документам; введение в уголовный процесс фигуры педагога со схематично определенным процессуальным статусом; специфика проведения судебного заседания при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего.

Несмотря на подобные позитивные законодательные новеллы, степень дифференциации уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних была явно недостаточной. К тому же ситуация осложнялась фактическим отсутствием судебной специализации и слабой следственной специализацией. Это обстоятельство вызвало к жизни те разработки, которые начались в России в 1990–е гг. в плане конструирования новой модели ювенального уголовного

судопроизводства. В частности, вносился ряд изменений в УПК РСФСР, но на практике оставалось нерешенным значительное количество проблем, связанных с оптимизацией производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Недостатки в реализации охранительных уголовно-процессуальных норм в процессе производства по уголовным делам данной категории обозначались не только на стадии предварительного следствия.

Без преувеличения можно сказать, что одной из наиболее дискуссионных и обсуждаемых проблем в 1990–е гг. являлись проблемы дифференциации и специализации уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Такая ситуация нашла свое отражение как в разработке различных авторских проектов реформирования судопроизводства и возрождения ювенальной юстиции, так и в Концепции судебной реформы в России, разработанной в 1991 году¹³.

Нормативной границей начала современного этапа развития уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних можно считать 2002 г., когда вступил в действие УПК РФ. В сравнении с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законом, кодекс внес ряд существенных изменений, касающихся формы производства предварительного расследования, мер процессуального принуждения, оснований и механизма прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних. Были закреплены нормативные основания обязательности получения личностно характеризующей несовершеннолетнего информации, изменилось процессуальное положение законного представителя несовершеннолетнего. Однако за годы действия УПК РФ выявились и значительные пробелы в регулировании уголовного производства по делам несовершеннолетних. Многие крайне необходимые правоприменителю механизмы не получили своего нормативного закрепления. Все это создает предпосылки для проведения системной работы по созданию новой нормативной модели уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. А учет исторического опыта формирования данного вида производства в России может помочь осмыслению основных направлений такой работы, поскольку «современный уголовный процесс сам по себе не может быть правильно осмыслен вне связи с прежними этапами его развития, иначе останутся не-

¹³ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801–1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. №44. Ст. 1435.

раскрытыми глубинные механизмы, образовавшиеся когда-то давно, но действующие сегодня и в значительной мере определяющие будущее»¹⁴. Критический анализ пройденного пути в данном случае является

обязательным условием определения основных направлений не только текущей, но и перспективной российской уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних.

Библиография:

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. – 562 с.
2. Давыдов Н.В. Уголовный суд в России. М., 1918. – 206 с.
3. Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. М., 1923. – 301 с.
4. Мельникова Э.Б. Будет ли в России ювенальная юстиция? Научно-практический комментарий // Российская юстиция. 1998. № 11. – С. 38-40.
5. Рулан Норбер. Историческое введение в право. М., 2005. – 672 с.
6. Стародубцев Ю.И. Особые суды для несовершеннолетних в России. Историко-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. – 255 с.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб., 1996. – 1158 с.
8. Чарыхов Х.А. Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России // Дети-преступники / Под ред. М.Н.Гернета. М., 1912. – С.21-75.
9. Калюжная Л.Г. Ювенальная юстиция в России: какой ей быть? (Часть I) // Право и политика. – 2012. – № 3. – С. 497-507.
10. Калюжная Л.Г. Ювенальная юстиция в России: какой ей быть? (Часть II. Окончание) // Право и политика. – 2012. – № 4. – С. 670-683.
11. Калюжная Л.Г. Организация ювенальной юстиции в Москве // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 9. – С. 104-107.
12. А.И.Морозов. Некоторые вопросы правового обеспечения государственной молодежной политики // Политика и Общество. – 2010. – № 4
13. В. Н. Шеломенцев Формирование законодательства и эволюция взглядов российских ученых по проблемам соотношения государства и гражданского общества в первой четверти XX века // Политика и Общество. – 2012. – 3. – С. 49 – 58.

References (transliterated):

1. Aleksandrov A.I. Ugolovnaya politika i ugovolnyi protsess v rossiiskoi gosudarstvennosti: istoriya, sovremennost', perspektivy, problemy. SPb., 2003. – 562 s.
2. Davydov N.V. Ugolovnyi sud v Rossii. M., 1918. – 206 s.
3. Lyublinskii P.I. Bor'ba s prestupnost'yu v detskom i yunosheskom vozraste. Sotsial'no-pravovye ocherki. M., 1923. – 301 s.
4. Mel'nikova E.B. Budet li v Rossii yuvenal'naya yustitsiya? Nauchno-prakticheskii kommentarii // Rossiiskaya yustitsiya. 1998. № 11. – S. 38-40.
5. Rulan Norber. Istoricheskoe vvvedenie v pravo. M., 2005. – 672 s.
6. Starodubtsev Yu.I. Osobyie sudy dlya nesovershennoletnikh v Rossii. Istoriko-pravovoi aspekt: Dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 1998. – 255 s.
7. Foinitskii I.Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. V 2 t. SPB., 1996. – 1158 s.
8. Charykhov Kh.A. Otnoshenie deistvuyushchego ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva k maloletnim i nesovershennoletnim v Rossii // Deti-prestupniki / Pod red. M.N.Gerneta. M., 1912. – S.21-75.
9. Kalyuzhnaya L.G. Yuvenal'naya yustitsiya v Rossii: kakoi ei byt'? (Chast' I) // Pravo i politika. – 2012. – № 3. – S. 497-507.
10. Kalyuzhnaya L.G. Yuvenal'naya yustitsiya v Rossii: kakoi ei byt'? (Chast' II. Okonchanie) // Pravo i politika. – 2012. – № 4. – S. 670-683.
11. Kalyuzhnaya L.G.. Organizatsiya yuvenal'noi yustitsii v Moskve // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2011. – № 9. – S. 104-107.
12. A.I. Morozov. Nekotorye voprosy pravovogo obespecheniya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki // Politika i Obshchestvo. – 2010. – № 4
13. V. N. Shelomentsev Formirovanie zakonodatel'stva i evolyutsiya vzglyadov rossiiskikh uchenykh po problemam sootnosheniya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v pervoi chetverti XX veka // Politika i Obshchestvo. – 2012. – 3. – С. 49 – 58.

¹⁴ Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С.126.